

в системе МВД России наблюдалась в подразделениях дознания и подразделениях по вопросам миграции (более 70 %), а наименьшая в уголовном розыске и подразделениях по контролю за оборотом наркотиков (менее 10 %).

Значительный рост числа женщин, желающих проходить службу в ОВД, по нашему мнению, обусловлен рядом факторов:

1) демографической ситуацией, согласно которой и численность населения России сокращается, и доля мужчин уменьшается, так, в 1996 г. население РФ составляло 148,3 млн человек, из которых мужчин – 69,5 млн, женщин – 78,8 млн. В 2019 г. из 146,8 млн человек мужчины составляли 68,1 млн, женщины – 78,7 млн;

2) несоответствием большого количества мужчин, претендующих на государственную службу, предъявляемым квалификационным требованиям и состоянию здоровья;

3) неприемлемо большим оттоком сотрудников ОВД и отсутствием достаточного количества кандидатов на службу, так, согласно сведениям Департамента государственной службы и кадров МВД России, соотношение принятых и уволенных в 2018 г. составило 6,4 % к 8,9 % соответственно;

4) активностью, независимостью, мобильностью современных женщин;

5) стремлением женщин к получению социальной защищенности, предоставляемой государством в период прохождения службы в ОВД, в том числе в части материнства и детства.

В отношении прохождения службы женщинами в ОВД следует обратить внимание на ряд правовых и организационных моментов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

1. Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» для мужчин определяется два вида прохождения военной службы: обязательный (по призыву) и добровольный (по контракту). Для женщин предусматривается только служба на добровольной основе (ст. 2).

2. Трудовым законодательством Российской Федерации ограничивается применение труда женщин на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (ст. 253). В России также законодательно закреплен исчерпывающий список федеральных органов исполнительной власти, которыми принято на вооружение боевое ручное стрелковое и холодное оружие для решения боевых и оперативно-служебных задач. В этом списке вторым по счету после обороны в стране отражена сфера внутренних дел (ст. 5). В связи с тем что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности (ст. 1), прохождение службы в ОВД напрямую связано с риском для жизни и здоровья сотрудников и, следовательно, с опасными условиями труда.

3. В России запрещается применение труда женщин на работах, связанных с подъемом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые для них нормы (ст. 253). Установленные предельно допустимые нормы разового подъема (без перемещения) тяжестей составляют для мужчин не более 50 кг, для женщин – не более 15 кг. Поскольку при прохождении службы в ОВД нет разграничений по половой принадлежности, то в порядке применения специальных средств имеет место несоответствие вышеуказанных норм. Например, вес одного только бронежилета, применяемого в ОВД, по пятому классу защиты составляет 16 кг, следовательно, имеет место несоответствие применения труда женщин на работах, связанных с подъемом и перемещением тяжестей.

4. Служба в ОВД сопряжена с высоким уровнем физических и психологических нагрузок, ненормированным графиком работы, суточными дежурствами, возможными командировками. С учетом указанного первоочередной обязанностью и ответственностью женщин перед семьей и детьми прохождение службы по объективным причинам отодвигается ими на второй план.

В связи с тем что МВД России является милитаризованным органом исполнительной власти, необходимо обратить внимание на регулирование правоотношений в части поступления и прохождения службы женщинами, соблюдения баланса равноправия полов, интересов самой службы, а также интересов материнства и детства.

Таким образом, учитывая значительную долю женщин, проходящих службу в ОВД, и наблюдаемый стремительный рост данного показателя, рассматриваемое актуальное на современном этапе развития МВД России направление деятельности подлежит дальнейшему исследованию и обсуждению, а также подлежит изучению выявления проблем количественной и качественной характеристики состава персонала, совершенствования организационного и правового регулирования кадровых процессов.

УДК 340.1

В.И. Павлов

РАЗРАБОТКА СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ В СВЕТЕ РАЗЛИЧНЫХ ОНТОЛОГИЙ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА

В современной юриспруденции концепции, разрабатывающиеся на основе методологии, отличной от методологии традиционной общеправовой теории, получили наименование постклассических правовых концепций. Среди наиболее известных современных направлений правовой мысли такие подходы представлены диалогической концепцией права (И.Л. Честнов), коммуникативной концепцией права (А.В. Поляков), новой концепцией субъекта права (С.И. Архипов), герменевтической концепцией права (А.И. Овчинников) и др. В таком же ракурсе нами разрабатывается и антропологическая концепция права.

Разработка современных правовых концепций, в том числе антропологии права, должна осуществляться с учетом соблюдения ряда методологических позиций.

Во-первых, в правовой концепции для ее адаптивности в господствующем юридическом дискурсе должны быть разработаны концептуальный (методология и философия права) и общетеоретический (догма права) слои. Последний необ-

ходим для соотнесения разработанных положений правовой концепции с правовой действительностью. При этом следует учитывать магистральное значение континентальной юридической догматики, которая остается господствующим методологическим языком действующего права. Разработка только концептуальных понятий не даст возможности демонстрации их продуктивности по сравнению с господствующей догмой права, хотя эти понятия могут содержать в себе серьезный общетеоретический потенциал. По этой причине концептуальные понятия должны иметь своих «догматических двойников» либо должны иметь другие средства раскрытия своего общетеоретического потенциала.

Во-вторых, при разработке новых правовых концепций следует определять их онтологический статус. Дело в том, что современные подходы к праву имеют различное отношение к онтологии, да и саму онтологию правоведа нередко понимают по-разному. Ряд исследователей остаются в рамках классического, традиционного отношения к онтологии и центральным вопросом правовой теории определяют вопрос «о сущности права» как о его наиболее общих свойствах в качестве сущего. Это эссенциалистское отношение к правовой онтологии определяет и значение всех других элементов и понятий разрабатываемой правовой теории. Например, в эссенциалистской модели онтологии исключается возможность говорить о бытии как о внеэссенциальном понятии, поскольку бытие это и есть сущность права, различие этих двух понятий и отражаемых ими явлений исключается.

Высказывается иногда и вовсе критическая позиция относительно необходимости постановки онтологического вопроса в юриспруденции. В основном это представители традиционной (классической) общеправовой теории, которые нередко (местами возможно и оправданно) критикуют новые правовые концепции за насыщение новыми терминами и понятиями. Однако дело в том и заключается, что вопрос о сущности права является всего лишь одним из вариантов решения онтологического вопроса в рамках той или иной теории, и эссенциалистская онтология имеет свои сугубо ей присущие особенности познания.

В рамках некоторых правовых концепций онтологический вопрос как таковой вообще не ставится, а юридический дискурс переводится в другую плоскость. Примером таких концепций являются неопозитивистские и деонтологические концепции права, основывающиеся на теории командного понимания права, аналитической традиции и утилитаризме. Эти концепции разрабатывались преимущественно англо-американскими правоведами и в последние десятилетия приобрели популярность в русскоязычной юриспруденции. Открытие особой, неклассической логики правовых норм, углубление наук о языке, более тонкое проникновение в структуру языка и речи и особенности их формирования и влияния на социум дают возможность анализировать и юридический язык, а также логику правовых высказываний. Вместе с тем признание значимости языка еще не означает, что вся правовая реальность заключена только в языке. Однако именно на этом явно или неявно настаивают представители современного неопозитивизма: право находится только в сфере нормативного пространства, в нормативной правовой реальности. По крайней мере именно по этой причине ими и отрицаются как классическая онтология права, так и иные неклассические онтологические модели. На самом деле в рамках таких концепций онтология не исключается, а создается своя, особая онтология норм – знаково-символическая онтология права, которая, в свою очередь, основывается на понимании права как команды. Однако современные неопозитивистские концепции права отличаются от общепринятого в русскоязычном правовом сообществе юридического позитивизма, унаследованного из советского правоведения. Многие вопросы советского юридического позитивизма, связанные с правовой действительностью, например, вопросы о самостоятельном понятии юридической практики, ее влиянии на язык и т. д., в рамках неопозитивизма не рассматриваются. Знаково-символическая онтология поэтому не является онтологией в собственном смысле слова, не является учением о бытии права в целом, а только знаково-символического уровня правовой реальности. Иными словами, это не универсальная, а некоторая региональная онтология, и именно из этого факта подобные правовые концепции и должны исходить и прояснять это положение.

Иначе дело обстоит с теми правовыми концепциями, которые исходят из общеметодологического положения о различении бытия и сущего. Это уже совсем другая онтология, в которой прежняя, традиционная юридическая онтология «права как сущности» остается только на онтическом уровне, а собственно онтология или вопрос о бытии переносится на уровень вопроса о бытии права за рамками его сущности. В общефилософском плане одним из первых вопросов о таком понимании онтологии поставил М. Хайдеггер и предложил отличать онтологию сущности (как наиболее общих свойств сущего) и онтологию бытия, в которой присутствует человек. Следовательно, существование человека в правовой реальности, т. е. антропология права, становится главным параметром бытия права в такой онтологии. Впрочем, правовые концепции, стоящие на такой онтологической модели, также по-разному определяют онтологию права уже в рамках этой фундаментальной онтологии бытия, точнее сказать, по-разному расставляют акценты в рамках этой онтологической модели. В разрабатываемой нами антропологической концепции права главным принципом правового познания, подчеркивающим вышеуказанное онтологическое значение, является принцип человекомерности права.

И, в-третьих, любая современная правовая концепция должна включать в себя теорию государства. Независимо от того, какое место особая публичная власть займет в правовой концепции, это место должно быть определено и охарактеризовано, ибо без этого объяснительные возможности правовой теории будут на порядок ниже. При этом полагаем, что обычная методологическая позиция «подозрения государства» (то, что нередко называется этатизацией права), несмотря на то что она не утрачивает своего значения, все же недостаточна. В нормальных условиях правопорядка при хотя бы минимальной легитимности власти именно посредством государственно-властной деятельности в обществе осуществляются публично-правовые функции. Других примеров существования негосударственно-организованных обществ в мировой практике сегодня просто нет.

Таким образом, указанные выше ориентиры построения современных правовых концепций на новых методологических основаниях позволяют избежать непонимания в юридическом научном сообществе и прояснить методологические, теоретические и прикладные способности каждой из разрабатываемых концепций. Авторская антропологическая концепция права так-

же разрабатывается с учетом высказанных методологических позиций. Это позволит более точно разрабатывать инструментарий для эффективного развития национальной правовой системы Республики Беларусь, своевременно и с учетом новых методологических подходов давать ответы на вызовы и угрозы национальной безопасности в социально-правовой сфере, разрабатывать теоретико-методологические основы противодействия преступности.

УДК 342.71

К.Д. Сазон

ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ГРАЖДАНСТВЕ

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь к стратегическим национальным интересам относится обеспечение суверенитета и незыблемости конституционного строя. Одним из принципов конституционного строя является принцип демократического государства, устойчивое развитие которого наряду с эффективным функционированием государственных институтов в интересах общества относится к числу национальных интересов в политической сфере. Сущность демократического государства зафиксирована в ст. 3 Конституции Республики Беларусь, согласно которой единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией.

С конституционно-правовой точки зрения важно понимать, что народ представляет собой совокупность граждан нашего государства, поскольку только граждане обладают правом участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей (ст. 37 Конституции), имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы (ст. 38 Конституции), в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах (ст. 39 Конституции).

Конституция позволяет нам рассматривать граждан в качестве основополагающей конституционно защищаемой ценности, выступающей первоосновой суверенитета белорусского народа и белорусского государства, что обуславливает необходимость определения рисков и вызовов национальной безопасности, возникающих в сфере правового регулирования гражданства Республики Беларусь. Отметим, что согласно части второй ст. 1 Закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» (далее – Закон о гражданстве) гражданство Республики Беларусь является неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета Республики Беларусь.

Обратимся к положениям Закона о гражданстве с целью научной оценки действующего правового инструментария в заявленной сфере общественных отношений и разработки предложений по принятию своевременных и действенных мер, направленных на защиту национальных интересов Республики Беларусь. Одной из проблем, требующих, на наш взгляд, своего научного и практического разрешения, является проблема законодательного регулирования двойного гражданства. Не вдаваясь в подробности научной дискуссии о разграничении содержания понятий «двойное гражданство», «второе гражданство», «спящее гражданство», рассмотрим белорусскую практику правового регулирования гражданства по данному вопросу.

Ст. 11 Закона о гражданстве закрепляет, что за лицом, являющимся гражданином Республики Беларусь, не признается принадлежность к гражданству иностранного государства, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Граждане Республики Беларусь, имеющие также иное гражданство, не могут на этом основании быть ограничены в правах, уклоняться от выполнения обязанностей или освобождаться от ответственности, вытекающих из гражданства Республики Беларусь.

Из анализа процитированных положений следует, что гражданин Республики Беларусь может приобрести гражданство иностранного государства, однако для Республики Беларусь во всех правовых аспектах такое лицо считается только гражданином Республики Беларусь. Указанная формула фиксирует подход законодателя, согласно которому гражданство понимается как устойчивая правовая связь человека с Республикой Беларусь, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека (часть первая ст. 1 Закона о гражданстве). Полагаем, что в рамках такого подхода гражданство следует рассматривать в качестве конкретного правоотношения, содержание которого представлено осуществляемыми в действительности субъективными правами и юридическими обязанностями его участников. Следовательно, государство не признает возможность одновременного осуществления гражданином содержания равнозначной правовой связи с другим государством. При этом за гражданином Беларуси признается сама возможность установления правовой связи с другим государством (право на гражданство). Из сказанного следует, что Республика Беларусь не признает наличие у гражданина гражданства иностранного государства как осуществляемой в действительности правовой связи, представленной совокупностью взаимных прав и обязанностей, но признает гражданство как возможность такую связь установить.

Последнее объясняет наличие в Законе о гражданстве, например, положений о том, что в гражданство Республики Беларусь может быть принято лицо, которое не может прекратить гражданство иностранного государства по независящим от лица причинам (ст. 14), а также о недопущении прекращения гражданства Республики Беларусь, если гражданин Республики Беларусь не имеет иного гражданства или гарантий его приобретения (ст. 20), т. е. закрепление в законодательстве предполагаемой возможности одновременного состояния гражданина Республики Беларусь в гражданстве нескольких государств. В подтверждение сказанного еще раз процитируем часть вторую ст. 11 Закона о гражданстве: граждане Республики Беларусь, имеющие также иное гражданство, не могут на этом основании быть ограничены в правах, уклоняться от выполнения обязанностей или освобождаться от ответственности, вытекающих из гражданства Республики Беларусь.